

**Шереметева-
Ковалёва-Жемчугова
Прасковья Ивановна
Крепостная, актриса,
графиня**

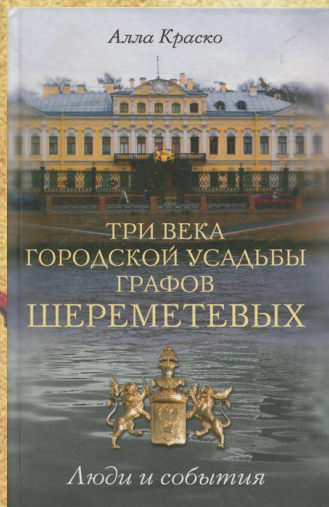
**Не тебя ль, моя красотка,
Не к тому ты рождена!
Ты со вечера — крестьянка,
Завтра — будешь госпожа.**

*Авторство этой песни приписывается
Прасковье Жемчуговой*

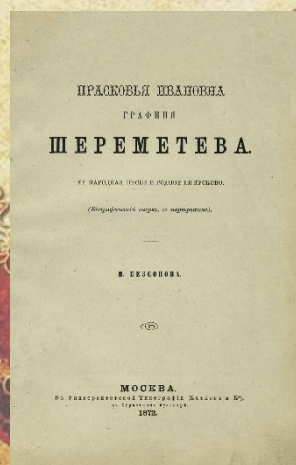
Историк и фольклорист профессор Пётр Алексеевич Бессонов, опубликовавший в 1872 году книгу о графине Прасковье Ивановне, нашёл такие слова для описания её внешности: «...Это вовсе не была так называемая русская красота... ни античной, ни классической, ни художественно правильной красоты в ней тоже не было... это то, что называют красотой выразительной, а выражается здесь душа... что-то зовущее, приковывающее и вместе с собой влекущее...»

Н. Аргунов. Портрет
П. И. Жемчуговой, 1802 г.

***Краско, А.В. Три века городской усадьбы графов Шереметевых. Люди и события. — Москва, 2009. — С. 87.**

***Бессонов, П.А. Прасковья Ивановна графиня Шереметева. — Москва, 1872.**

Прасковья Ивановна Ковалёва (Жемчугова) родилась в деревне Березники Юхотской волости Ярославской губернии 31 июля 1768 года. В семье Параша была старшей. Отец — крепостной кузнец Шереметьевых Иван Степанович Ковалёв — был известен на всю округу как замечательный мастер своего дела и как любитель принять стопку-другую, а потом покуролесить.

7-летней Параше повезло, когда её взяли в господский дом, и воспитанием девочки занялась вдовая княгиня М.М. Долгорукая. Парашу обучали грамоте, французскому и итальянскому языкам, музыке (в дальнейшем она играла на клавесине, арфе и гитаре), пению, танцам. А в 11-12 лет она уже не только пела в хоре, но и выступала в небольших сольных партиях. В дальнейшем на глазах молодого Н.П. Шереметева она быстро прогрессировала в вокальном и сценическом мастерстве и постепенно выдвинулась на положение ведущей солистки шереметевской труппы.

В театре Шереметева принято было давать артисткам сценические имена по названиям драгоценных камней. Прасковья Ивановна Ковалёва считалась настоящим украшением, жемчужиной шереметевского театра, и поэтому она получила звучную фамилию Жемчуговой. Её природный талант шлифовали приглашённые из Москвы учителя, в частности известная тогда драматическая актриса М. Синявская.

Трудно говорить об артисте, деятельность которого протекала более полутора столетий тому назад. От Жемчуговой-певицы не осталось, по существу, ничего: нет ни записей её голоса, ни большинства партитур и текстов оперных партий артистки, ни профессиональных рецензий на спектакли с её участием. Имеющиеся в нашем распоряжении литературно-музыкальные материалы дают некоторую возможность

...Прежде всего, просматривая огромный, насчитывающий до 50 произведений репертуар Прасковьи Ивановны, мы можем установить в нём две основные линии: с одной стороны – это бытовая драма с чертами сентиментализма, и с другой стороны героика, идеи патриотизма, стремление к раскрытию темы социального неравенства, несправедливости и конечного торжества светлого, чистого начала.

Творчески глубоко переосмысливая исполняемые образы – Элианы, Инфанты и пр. – она насыщает их чертами глубокой человечности, задушевности и правдивости, преодолевающими элементы оперной условности и дающими им подлинно реалистическое и национально-самобытное сценическое бытие.

...Судя по исполнявшемуся репертуару, голос Прасковьи Ивановны – драматическое сопрано, охватывавшее исключительно большой диапазон, отличался теплотой, задушевностью, силой и необычайной колоратурной подвижностью.

*Елизарова, Н. Крепостная
актриса*

*П. И. Ковалёва-Жемчугова.
— М., 1952. — С. 28-30.*

**Прасковья
Жемчугова**

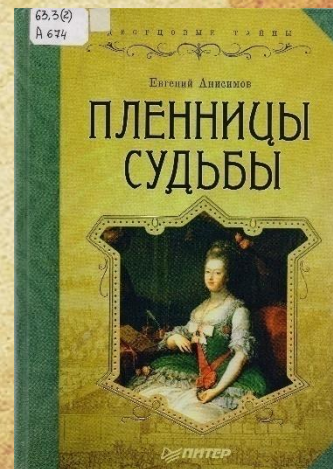
«Долгие годы Параша жила в общем для всех трёхсот актёров флигеле, примыкавшем к барским хоромам. В каждой комнате было по четыре кровати. За всеми девушками был строгий надзор специально назначенных надзирательниц, которые «неусыпно смотрели, дабы здоровье и честь сохранены были». Особенно пеклись, чтобы мужчины «случайно» не попадали в женские комнаты, чтобы девушки содержались в чистоте, «то есть всякое утро умывать лицо, перед обедом и перед ужином, в всякую неделю водить в баню и смотреть, чтобы ни у кого шелудей не было, платье чтобы было чисто». Им покупали дорогие вещи, заказывали у известных портных платья, шляпки, шубы. Кормили их также хорошо, разнообразно, особенно это касалось примадонн. Иногда под присмотром надзирательниц девушкам разрешали прогуляться по улицам города. Женщин за провинности и дерзости сажали в карцер на хлеб и воду, а тогдашних «звёзд» лишали чая и сахара (а давали на день немало — чая чёрного по 1,5 золотника да сахару по 12 золотников!). Что это не наказание, а благо для блюдущих фигуру танцовщиц, люди поняли позже.

Когда же самому господину была нужна Параша, её вызывали в барские покои. Что это: тюрьма, закрытый пансион, гарем? Нет, это — русский крепостной театр».

Усадьба Кусково

Анисимов, Е. В.
Пленницы судьбы. —
СПб., 2007. — С. 221-222.

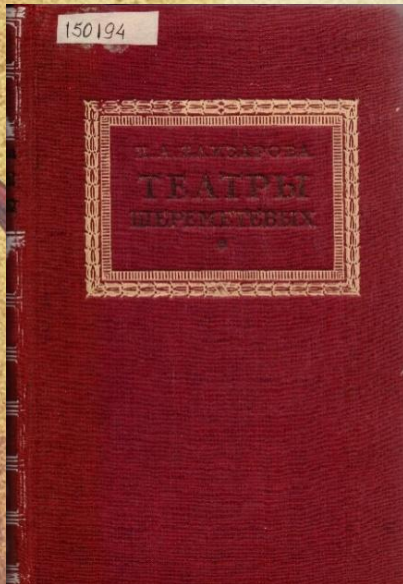
Сначала были небольшие выходные роли. Но вскоре Параша стала превращаться в настоящую актрису. Ей ещё не исполнилось одиннадцати, когда она с блеском выступила в опере Гретри «Опыт дружбы», а в 13 лет эта хрупкая девочка сыграла с необычной убедительностью, силой и глубиной партию Луизы из драмы Седена «Беглый солдат» на музыку Монсиньи.

«Параша Ковалёва стала замечательной оперной актрисой П. И. Жемчуговой с богатым репертуаром. Известно её участие в главных ролях более 14 пьес, шедших в театре Шереметева в 80 – 90-х годах XVIII века. В опере «Колдун» она играла мужскую роль – пастуха Альцевода. Тоненькая

стройная фигура и голос позволяли ей играть роли юношей. Известно, что она играла пажа Блондина в опере «Инфанта Заморы»».

Елизарова, Н. А. Театры Шереметевых. – Москва, 1944. – С. 302.

Её артистическое жалованье в 1797 г. составляло 300 руб. в год, а в 1800 г. – уже 1 100 руб. и 80 руб. на платье, причём граф собственноручно исправил сумму жалованья на 1500 руб., что в десятки раз превышало оклад других солистов театра, не говоря уже о рядовых артистах.

В книге Л.М. Стариковой Москва стародавняя : Герои жизни и сцены подробно рассказывается о лучшем спектакле кусковской сцены «Браки самнитян» – «героической опере с пением» Гретри, об актёрах, декорациях и присутствующих на выступлениях лицах.

«...Но вот вбегала Элиана – Прасковья Жемчугова, и сразу появлялась новая нота, вносящая драматизм в эту идиллическую картину. Её фигура, жесты и особенно лицо были полны вдохновения и притягательности, а глаза сверкали воинственным задором. Гибкость стана подчёркивал костюм: флёрсовая сорочка с пышными рукавами украшена дорогим серебряным кружевом, белый корсаж, расшитый золотом, и широкая белая юбка, на ногах – белые замшевые сапожки с переплетениями из лент. Этот наряд по-особенному оттенял юное лицо семнадцатилетней Парашки, очарование которого составлял совсем ещё детский овал с выдававшимися скулами и пухлыми щеками... Она [героиня Жемчуговой] решает, что лучше пойти на поле брани и погибнуть, чем выйти за нелюбимого: «Я хочу быть супругою, а не жертвой прихотей закона! Та, которая презирает смерть, может ли жить в унижении!». Жемчугова буквально завораживала публику в этой сцене».

Описанный нами спектакль, прошедший с таким триумфом, был лебединою песнью артистки. Ещё молодой девочкой 15 лет она впервые с огромным успехом в 1783 году выступала в роли Элианы в Кускове, и этой же ролью закончилось в Останкине в 1797 году её славное артистическое поприще.

Зрительный зал Останкинского театра

БРАКИ САМНИТЯНЪ
 ГЕРОИЧЕСКАЯ ОПЕРА
 съ пѣніемъ
 въ трехъ дѣйствіяхъ
 слова Г. Рошера,
 музыка Г. Гретри.
 Переводъ съ французскаго

Первый разъ представлена на Московскомъ домѣнъ его Святѣйшима Графа Петра Борисовича Шереметева Театрѣ собственными его аккомпанистами, и прочими. Ноябрь 24 дня 1783 года.

ВЪ МОСКВѢ,
 въ колѣной типографіи Печенарова,
 1783 года.

Дѣйствующія лица.

АГАПІЙ	Григорій Кошкинъ
ДРАМГОРОДЪ	Сысѣевъ
ЕВМОНЪ, отецъ Агата	Блаженъ Павловъ
ЦЕФАЛІИДЪ	Иванъ Анисимовъ
ЕФІАЛЪ	Лео Пужуринъ
ЕФОНІЯ, мать Цефаліи	Прасковья Жемчугова
МОДОЛА САМНИТЯНКА	Татьяна Гречина
ВОЕНЕЦЪ АЛЬБИЪ	Викторъ Головановъ
ВОЕНЪ САМНИТСКОЙ.	Викторъ Родичевъ

Дѣйствіи самнитскихъ.

Исклонники старѣйшихъ,
 Поляна и Народъ Самнитскій.

Дружеское приношеніе къ Синодальной Типографіи.

Тайный брак, заклѹчѣнный на небесах

Если бы ангел сошёл с небес, если бы гром и молния ударили разом, я был бы менее поражѣн.

Из письма графа Н.П. Шереметева

19-летняя прима театра стала и фавориткой своего барина, Николая Шереметева. Ничего особенного, если бы не одно «но» — граф, кажется, влюбился в девушку по-настоящему. Прасковья давно уже не походила на крепостную — хрупкая и застенчивая красавица с большими и ясными глазами обладала утончѣнными манерами, присущими благородному сословию, а не черни.

Великая любовь всегда удивляет — как настоящая редкость, как необъяснимое чудо. У великой любви иные отношения со временем — его всегда слишком мало при жизни влюбленных, но после смерти им принадлежит вечность. Любовь немолодого графа и дочери крепостного кузнеца была именно такой, великой.

Прасковья продолжала блистать в театре, однако в 1788 году умер старый граф Пётр Шереметев. Потеряв отца, Николай записал не хуже кузнеца Ивана Ковалёва, забросив и театр, и всё хозяйство.

Но тут хрупкая театральная звезда неожиданно проявила мужскую хватку. Она сумела не только взять на себя управление театром, но и вытащить возлюбленного из запоя.

Николай Шереметев был покорён теперь не только красотой и талантом, но и силой духа девушки. Он зажил с ней, как с женой, в отдельном доме, не обращая внимания на разницу в возрасте и пересуды окружающих.

**Кусково. Комната-музей
Прасковьи Жемчуговой**

Рогов, А. П. Шереметев и Жемчугова. – Москва, 2007.

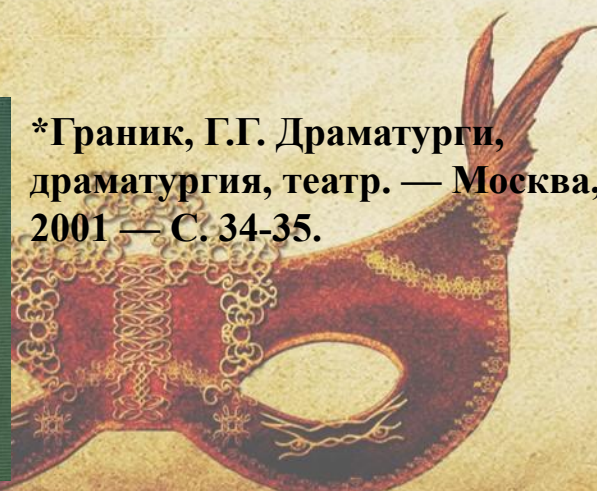
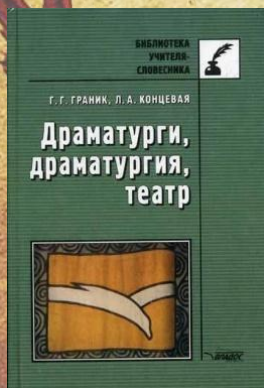
Книга – кладёзь интересных исторических фактов. Можно много узнать о быте той эпохи, о том, каковы были театры и развлечения, и многое другое. Очень красивая и необычная история любви, рассказанная в форме художественного произведения.

В 1795 году был открыт новый театр Шереметева во дворце Останкино. Строился он графом ради своей возлюбленной, и там она сыграла свои последние в карьере спектакли. На открытии дворца Прасковья исполнила роль турчанки Зельмиры в опере «Взятие Измаила».

«Особенно удивительным был дворцовый театр. Когда Параша впервые пришла туда, она заплакала: никакого театра не было. Был обыкновенный танцзал, или, как тогда говорили, воксал. Сопровождавший Парашу механик Фёдор Пряхин ненадолго оставил её. И тут произошло чудо: что-то загромыхало, часть колонн (те из них, которые были бутафорскими) отодвинулась, поднялись бархатные скамьи амфитеатра, и «воксал» превратился в театр».

В их любовь не верили, обвиняя графа и актрису в разврате. Прасковья часто плакала, а возлюбленный старался спрятать её от злых разговоров. От всех этих моральных страданий и переживаний у Прасковьи «проснулась» врождённая болезнь - туберкулёз. А так как супругам пришлось переехать в сырой климат Санкт-Петербурга, то болезнь перешла в открытую форму, начались горловые кровотечения. К тому же пропал её чарующий голос. Параша и все её родственники получили «вольную», однако жениться без позволения царя Шереметев по-прежнему не мог. На сцене она уже не выступала, её здоровье ухудшилось.

***Граник, Г.Г. Драматурги, драматургия, театр. — Москва, 2001 — С. 34-35.**

Но 6 ноября 1801 года состоялось тайное венчание Прасковьи Ивановны и Николая Петровича. Оно проходило в приходской церкви Симеона Столпника.

А через два года новая хозяйка Фонтанного дома, так и не принятая светом, родила сына и через три недели умерла от обострения чахотки. Николай Петрович впал в беспамятство. На следующий день после смерти Прасковьи её тело положили в дубовый

Н. Аргунов. Портрет графини П.И. Шереметевой в полосатом халате. 1803 г.

гроб, обитый пунцовым бархатом и выстланный внутри белым атласом. На крышке гроба на посеребрённой доске был изображён фамильный герб Шереметевых и начиналась надпись: «Графиня Прасковья Ивановна Шереметева, рождённая Ковалевская, от древнего благородного происхождения польских шляхтичей... супруга действительного тайного советника, оберкамергера, кавалера российских орденов... её жития было 34 года 7 месяцев и два дни».

Император Александр I признал их брак за 3 дня до кончины графини П. И. Шереметевой. И её сын Дмитрий был признан законным наследником.

Графиня П.И. Шереметева в гробу

СТРАННОПРИИМНЫЙ ДОМ ГРАФА ШЕРЕТЕВА

В память о покойной жене Н.П. Шереметев построил в Москве Странноприимный дом (ныне Институт скорой помощи им. Н.В. Склифосовского), где могли получить помощь больные, инвалиды и все нуждающиеся. Как говорилось в уставе Дома, он должен был «дать бесприютным ночлег, голодным – обед и стол, бедным невестам – приданое». В его строительство было вложено около 3 млн руб.

«Когда в 1910 г. Странноприимному дому исполнилось 100 лет, потомки Н.П. Шереметева подсчитали, что за это время на различные благотворительные цели Шереметевыми было истрачено 6.5 млн руб., в том числе в самом Странноприимном доме – 1 млн руб. Результат был впечатляющим: врачебную помощь в Странноприимном доме получили 80.5 тыс. больных и раненых, пособия – 23 тыс. нуждающихся, приют – 16.6 тыс. бездомных, приданое – 3 тыс. невест».

Шереметевы в судьбе России: воспоминания, дневники, письма / авт.-сост.: А.И. Алексеева, М. Д. Ковалёва . – М. : Звонница, 2001. – С. 112.

Москва. Домовая церковь. Ангел с бубном на фреске домовй церкви

Среди фресок Троицкой церкви, выстроенной при больнице, есть изображение сонма небесных сил, и среди них – танцующий ангел с бубном. Предполагается, что автор росписей Доменико Скотти придал ему портретные черты Прасковьи Шереметевой.

Странноприимный дом: дар во имя любви

Садовый
фасад

Троицкая
церковь

Полукруглая
колоннада

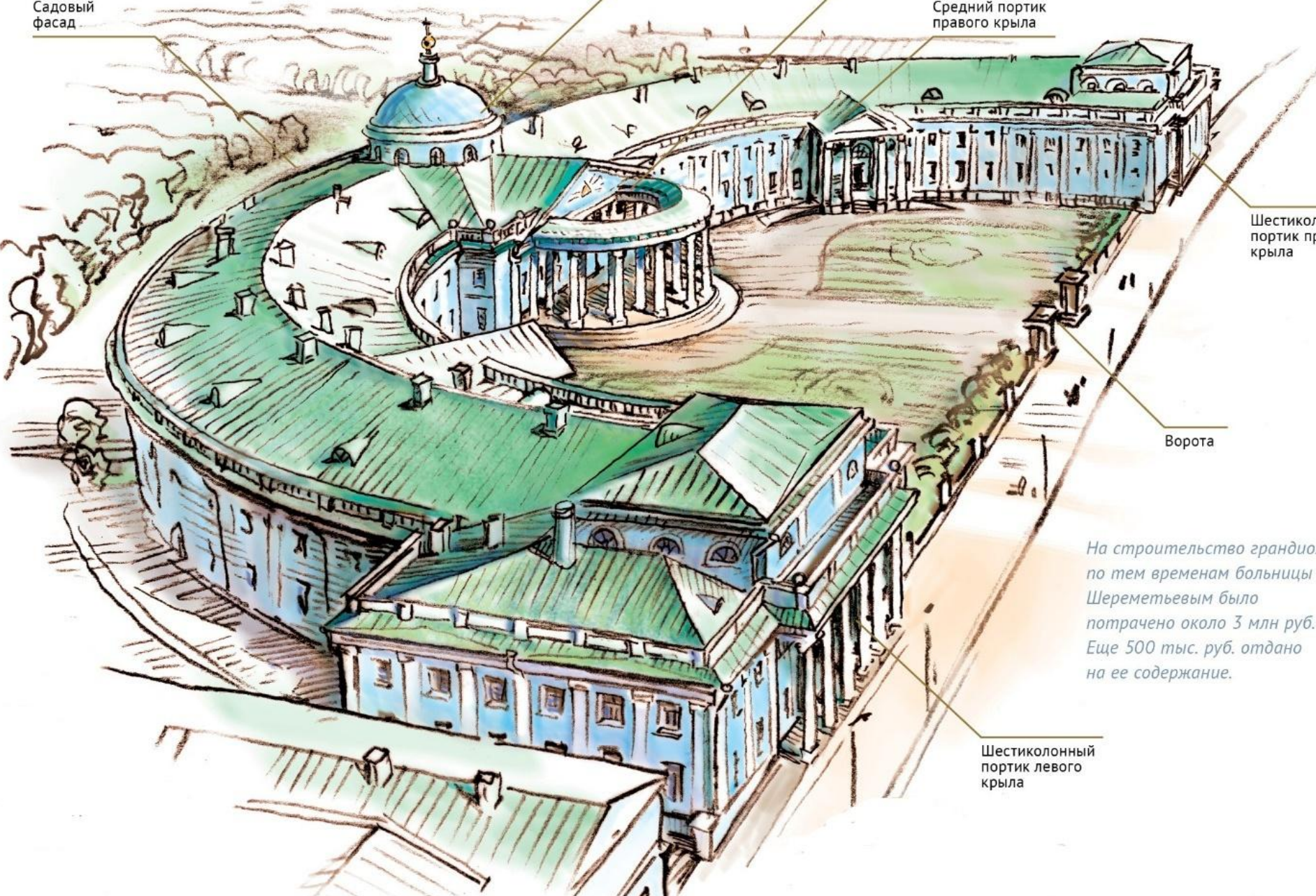
Средний портик
правого крыла

Шестиколо
портик пра
крыла

Ворота

*На строительство грандиозн
по тем временам больницы
Шереметьевым было
потрачено около 3 млн руб.
Еще 500 тыс. руб. отдано
на ее содержание.*

Шестиколонный
портик левого
крыла

В «Завещательном письме» сыну граф написал о Прасковье Ивановне:

«...Я питал к ней чувствования самые нежные... наблюдая украшенный добродетелью разум, искренность, человеколюбие, постоянство, верность. Сии качества... заставили меня поправить светское предубеждение в рассуждении знатности рода и избрать её моею супругою...»

Портрет графа
Дмитрия
Николаевича
Шереметева

Н. Аргунов. Портрет
Шлыкковой-Гранатовой

Граф Шереметев не хотел жить без Параши. Он перестал выезжать в свет, вёл замкнутую жизнь, предаваясь воспоминаниям, и через шесть лет умер. Театр закрыли ещё раньше: когда заболела Прасковья Ивановна. Вся труппа (180 человек) со страхом ждала решения своей участи. К счастью, их не распродали поодиночке. Указ графа был таков:

«Предписываю, выбрав из них годных, назначить на другие должности. Девушкам же, занимавшим до сего места актрис и танцовщиц, даю позволение приискывать себе женихов».

Приискал жениха для Тани Шлыкковой и её отец, графский оружейник, но она выйти замуж наотрез отказалась. Хотя к тому времени она как подруга Параши получила вольную, Таня до

конца своих дней продолжала служить в графском доме. Прожила она долгую жизнь — 90 лет. Вырастила не только сына Параши, но и внука.

*Граник, Г.Г. Драматурги, драматургия, театр. — Москва, 2001 — С. 36.

Ксения Александровна Сабурова. Моя мать — дочь внука Прасковьи Ивановны, Сергея, старшего сына графа Дмитрия. Все в нашей семье относились к Прасковье Ивановне с величайшим почтением. Дед не разрешал называть её Парашей. Я помню, что в Фонтанном доме стоял складень на аналое. Изображение Прасковьи Ивановны в гробу, а в центре два её портрета. Один в чепце, с миниатюрой на груди, другой, последний, перед родами, в полосатом платье, с такой горькой складкой возле губ. Копии с картин Аргунова сделаны по приказу прапрадеда. Раскрывали складень лишь по великим праздникам и детей проводили мимо.

Образ Прасковьи Ивановны Ковалёвой-Жемчуговой вошел в историю русского театра, как олицетворение народного таланта, загубленного условиями крепостничества.

На сцене она провела половину своей жизни (выступая с 11-летнего возраста до 27 лет), будучи не только прекрасной певицей (лирическое сопрано), но и драматической актрисой, создавшей яркие трогательные образы Луизы, Белинды, Нины, Аннетты, Люсиль и др.

Шереметевы в судьбе России: воспоминания, дневники, письма / авт.-сост.: А. И. Алексеева, М. Д. Ковалёва. — М. : Звонница, 2001. — С. 143.

Список литературы

1. Анисимов, Е. В. Пленницы судьбы. – СПб., 2007. – 367 с.
2. *Бессонов, П.А. Прасковья Ивановна графиня Шереметева. – Москва, 1872.
3. *Граник, Г.Г. Драматурги, драматургия, театр. – Москва, 2001 – 314 с.
4. Елизарова, Н. Крепостная актриса П. И. Ковалёва-Жемчугова. – М., 1952. – 41 с.
5. Елизарова, Н. А. Театры Шереметевых. – Москва, 1944. – 519 с.
6. *Краско, А.В. Три века городской усадьбы графов Шереметевых. Люди и события. – Москва, 2009. – 443 с.
7. Рогов, А. П. Шереметев и Жемчугова. – Москва, 2007. – 272 с.
8. Старикова, Л. М. Москва стародавняя : Герои жизни и сцены. – Москва, 2000. – 384 с.
9. Шереметевы в судьбе России: воспоминания, дневники, письма / авт.-сост.: А. И. Алексеева, М. Д. Ковалева . – М. : Звонница, 2001. – 432 с.

Все книги со знаком *, представленные в материале, можно найти и прочитать в НЭБ (Национальной электронной библиотеке), доступ открыт в секторе экономической литературы Национальной библиотеки имени С. Г. Чавайна.

Медаль настольная
«Шереметевы. Российский
дом милосердия»

Спасибо за внимание.